

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9

Исследовательская статья

Шаповалов Д. А.

Миграционные стратегии молодежи: факторы миграции разных профессиональных групп

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
danchikbelshap@gmail.com

Аннотация. Миграция разных профессиональных групп молодежи становится одним из факторов трансформации рынка труда и демографической структуры Северной Евразии. Избыток молодых специалистов городах-миллионниках и мегаполисах противопоставлен дефициту молодых кадров в провинциальных регионах. *Методы:* эмпирическую базу исследования составили данные регионального мониторинга миграционных стратегий студенческой молодежи Белгородской области, проведенного в 2025 году (выборка N=1269 респондентов, квотированная по курсам обучения и районам проживания). Для анализа были рассмотрены три профессиональные когорты, характеризующиеся наибольшей кадровой значимостью для региональных экономик (инженерная, медицинская и педагогическая). *Научные результаты:* эмпирически верифицирована устойчивая межгрупповая дифференциация миграционного потенциала: инженерная когорта демонстрирует максимальную мобильность (совокупный миграционный потенциал 78,9%), тогда как медицинская группа характеризуется выраженной локальной закрепленностью (57%), а педагогическая занимает промежуточное положение (65,4%). Установлено, что структура факторов принятия миграционных решений инвариантна относительно профиля подготовки: доминирующую роль выполняют экономические детерминанты, при этом институционально-статусные и экзистенциальные факторы выступают в качестве модераторов. Выявлен феномен поливекторности инженерных миграционных стратегий, ориентированных одновременно на внутрироссийские центры и международные рынки (как восточные, так и западные), что контрастирует с мононаправленным локальным консерватизмом медицинской и педагогической групп, обусловленным высокими институциональными барьерами (нострификация, лицензирование, языковая сертификация). Зафиксирован крайне низкий уровень возвратной миграционной готовности во всех профессиональных группах, при этом максимальный отказ от возвращения на территории проживания зафиксирован у инженеров. *Выводы:* миграционный потенциал студенческой молодежи структурно опосредован не столько макроэкономическими условиями, сколько внутренней логикой профессиональных полей: чем выше степень институциональной стандартизации профессии и жестче входные барьеры на внешних рынках труда, тем ниже пространственная мобильность, и наоборот. Полученные данные свидетельствуют о необходимости перехода региональной кадровой политики от имиджевых кампаний к адресным инструментам экономического стимулирования (повышение оплаты труда, жилищные программы, контрактные механизмы закрепления), а также к формированию комфортной городской среды и

инфраструктурной доступности как обязательных условий реализации экономических стимулов. В противном случае нарастающая центростремительная миграция инженерно-технических кадров будет углублять межрегиональные диспропорции и консервировать кадровый дефицит в периферийных территориях, что объективно ведет к дальнейшему сжатию обитаемого пространства Северной Евразии.

Ключевые слова: молодежь; миграционные стратегии; факторы миграции; трудовые стратегии

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-00135, <https://rscf.ru/project/26-78-00135/>.

Информация для цитирования: Шаповалов Д. А. Миграционные стратегии молодежи: факторы миграции разных профессиональных групп // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 130-145. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9.

Research article

Danil A. Shapovalov

**Migration strategies of youth: factors of migration
of different professional groups**

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
danchikbelshap@gmail.com

Abstract. Under the conditions of intensifying spatial polarization and the compression of habitable space across Northern Eurasia, the migration attitudes of student youth acquire the character of a system-forming factor that determines not only individual life trajectories but also the macro-regional dynamics of human capital. *Methods:* the empirical basis of the study comprised data from a regional monitoring of migration strategies among student youth in the Belgorod region, conducted in 2025 (sample N=1269 respondents, quota-sampled by year of study and area of residence). Three professional cohorts characterized by the greatest personnel significance for regional economies were placed in the analytical focus (engineering, medical, and pedagogical). *Research results:* a stable intergroup differentiation of migration potential was empirically verified: the engineering cohort demonstrates maximum mobility (aggregate migration potential of 78.9%), whereas the medical group is characterized by pronounced local attachment (57%), and the pedagogical group occupies an intermediate position (65.4%). It was established that the structure of factors influencing migration decisions is invariant with respect to the field of study: economic determinants play a dominant role, while institutional-status and existential factors act as moderators. The phenomenon of multi-vector engineering migration strategies was identified, oriented simultaneously toward domestic Russian centers and international markets (both Eastern and Western), which contrasts with the unidirectional local conservatism of the medical and pedagogical groups, conditioned by high institutional barriers (nostrification, licensing, language certification). An extremely low level of return migration readiness was recorded across all professional groups, with the highest refusal to return to the territory of residence observed among engineers. *Conclusions:* the migration potential of student youth is structurally mediated not so much by macroeconomic conditions as by the internal logic of professional fields: the higher the

degree of institutional standardization of a profession and the stricter the entry barriers in external labor markets, the lower the spatial mobility, and vice versa. The obtained data indicate the need for a shift in regional personnel policy from image-building campaigns to targeted economic incentive instruments (increasing wages, housing programs, contractual retention mechanisms), as well as to the formation of a comfortable urban environment and infrastructural accessibility as mandatory conditions for the implementation of economic incentives. Otherwise, the growing centripetal migration of engineering and technical personnel will deepen interregional disparities and perpetuate personnel shortages in peripheral territories, which objectively leads to further compression of the habitable space of Northern Eurasia.

Keywords: youth; migration strategies; migration factors; labor strategies

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 26-78-00135, <https://rscf.ru/project/26-78-00135/>.

Information for citation: Shapovalov, D. A. (2026), "Migration strategies of youth: factors of migration of different professional groups", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 130-145. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9.

Введение (Introduction). Миграционные процессы современной России стоят в ряду важных вопросов, определяющих как перспективный, так и проблемный контур демографической политики. Миграция населения внутри российской территории, а также с сопредельных регионов (ранее входивших в состав СССР и СНГ), нивелирует нехватку трудовых ресурсов в условиях турбулентности геополитических и экономических процессов. Одновременно с этим, покрытие дефицитов одних территорий часто связано с возникновением таких дефицитов для других. И в этой связи особенно остро стоит вопрос миграции и ее планирования для молодежи, выпускников высших учебных заведений, которые являются важным ресурсом кадрового и человеческого потенциалов регионов.

Молодежь позиционируется как важная часть человеческого капитала, воспроизводить которую в условиях демографического кризиса не так просто. Миграционные тенденции молодежных потоков, как правило, связаны с централизацией и стремлением к мегаполисам, что создает значительную перегрузку для данных регионов, одновременно снижает стоимость и значимость такого ресурса как молодые кадры для городов миллионников. Вместе с этим наблюдается явный дефицит таких кадров для провинциальных российских городов (крупных и малых) и, тем более, для сельских территорий. Ученые на протяжении десятилетий акцентируют внимание на трансформации демографической структуры ряда территорий (Дожиков, 2024; Атаева, Уляева, 2018), говоря о том, что более четверти регионов России испытывают дефицит в молодых специалистов и повышенный отток молодежи в рамках образовательной и трудовой миграции (Есикова и др., 2023).

На территории Северной Евразии миграция выступает фактором сжатия обитаемого пространства (термин «сжатие» используется в работах географов МГУ и ИГ РАН). Ключевыми трендами здесь становятся устойчивый отток населения с Дальнего Востока и из Сибири в европейскую часть России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край); концентрация населения в крупных агломерациях и опустынивание периферии; компенсация естественной убыли населения за счет притока из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан). Исследования ВШЭ (НИУ ВШЭ) показывают, что до 40% выпускников школ в регионах (особенно в Поволжье и Сибири) рассматривают переезд в другой город для учебы. Обратно возвращается меньшинство, закрепляясь на рабочем месте.

Дефицит молодых кадров нарушает процесс профессиональной и трудовой преемственности, создает угрозу кадрового обеспечения экономических сфер (Шаповалова и др., 2023). Такие проблемы наблюдаются в провинциальных регионах в сфере образования,

здравоохранения, производства. Такие сферы, как правило, входят в зону проблемных в оценках качества жизни, что создает «порочный круг» миграционных решений для молодежи: снижение качества жизни выталкивает молодых специалистов в более успешные города, их жизненный выбор приводит к дефициту кадров и невозможности реализовать функционирование этих сфер на должном уровне.

В этой связи становится актуальным исследовательский вопрос: как принимают миграционные решения разные профессиональные группы молодых специалистов и возможно ли на основе такой информации внести коррективы в региональную и муниципальную политику? Целью статьи является изучение и сравнительный анализ миграционных стратегий перспективных профессиональных групп молодежи и определение векторов превентивных действий в рамках регионального инжиниринга молодежной и социальной политики.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Раскрытие темы статьи предполагает операционализацию таких понятий как миграционные стратегии, миграционные установки, миграционный потенциал. Под *миграционной стратегией* мы будем понимать комплекс установок, целей (жизненных планов), моделей поведения и практических мер, которых придерживаются отдельные люди или социальные группы. *Миграционная установка при этом* – это готовность, предрасположенность или намерение человека изменить свое постоянное место жительства, переехав в другой регион или страну. Миграционная установка является намерением, которое может не трансформироваться в жизненный план (миграционную цель), но влияет на социальное настроение, напряжение и включенность в воспроизводство территориального человеческого и трудового капитала. Появление у человека миграционной цели или целей (конкретных причин, намерений или задач, по которым человек переезжает в другую страну или регион) запускают механизм принятия миграционного решения, в процессе которого формируется *миграционный выбор* – это осознанное решение человека или группы лиц о переезде, смене места жительства, страны или региона, основанное на оценке жизненных условий, экономических перспектив и личных ценностей. На основе миграционного выбора определяется миграционный план – осознанная стратегия человека или семьи по смене места жительства, включающая этапы переезда, адаптации, юридического закрепления (ВНЖ, ПМЖ) и долгосрочной интеграции в новом обществе.

Для темы статьи важно выделить виды миграции: внутреннюю (в пределах территории страны) и внешнюю (эмиграцию); возвратную (миграция, связанная, как правило, с временно реализацией образовательных или трудовых стратегий и предполагающая возвращение на основное место жительства) и невозвратную (предполагающую закрепление на новой территории). Сочетание диспозиций и жизненных в сфере миграции и определение потенциального вида миграции приводит нас к необходимости говорить о *миграционном потенциале социальной группы*, под таким потенциалом в рамках статьи понимается совокупная способность, готовность и реальная возможность её членов к перемещению с изменением постоянного места жительства или временного пребывания под влиянием социально-экономических, культурных и психологических факторов.

Отвечая на вопрос о конкретных исследованиях в этой области, стоит отметить, что миграция молодежи является важной темой в исследовательской повестке и, можно сказать, находится на мониторинговом контроле у ученых. Проблемы молодежной миграции в значении для демографической политики изучаются с позиции трансформации социальной структуры, возникающей при центростремительной миграции молодежи (Одинцов и др., 2020; Федорова, Хорольцева, 2020), а также изменения конфигурации рынка труда (Айрапетян и др., 2020, Серкина, Мягкая, 2018).

Безусловно, самой востребованной темой остается образовательная миграция молодежи, позволяющая не только поднять вопрос образовательной мобильности, но и увидеть риски дальнейшего миграционного выбора молодых людей (Ростовская, Васильева, 2023; Ульмясбаева, 2020), что особенно актуально для сельских территорий и малых народов (Бадмаева, 2021).

Как жизненная стратегия миграция также часто становится предметом исследований, при этом, например, М. А. Карцева с соавторами (Карцева и др., 2021) и научный коллектив под руководством И. С. Шаповаловой (Шаповалова, Заводян, 2024) рассматривают миграционные стратегии в поле других жизненных стратегий, формируя общий портрет жизненного планирования, в том числе и для разных социальных групп молодежи (Шаповалова, 2026; (Шаповалова и др., 2026).

Миграционные стратегии молодежи изучаются и с позиции трансформации трудовых сфер для территории выбытия, поднимается проблема оттока молодых трудовых кадров и возникновения невосполнимого кадрового дефицита, нарушения механизма его территориального воспроизводства, что особенно актуально для сфер образования и здравоохранения (Шаповалова и др., 2021; Шаповалова и др., 2023).

Начинает подниматься вопрос и о повышенной миграции молодых IT специалистов – становится очевиден факт их низкой закрепленности за стационарными рабочими местами, ориентация на поиск лучших условий жизни в условиях позиционирования их как новой профессиональной элиты (Балабанова, Лазенкова, 2026; Рязанцев, Рязанцев, 2024).

Внимание к миграционным стратегиям профессиональных групп позволяет не просто диагностировать особенности принятия миграционных решений, но и осуществить прогноз развития и рисков профессиональных отраслей на локальных рынках труда. Данный прогноз может стать основой мер поддержки дефицитных групп, для пополнения проблемных сфер молодыми кадрами.

Для раскрытия темы статьи были использованы данные региональных исследований, проведенных в Белгородской области в 2025 году. Для анализа миграционных стратегий и факторов принятия решения использовались данные студенческой подвыборки мониторинга миграционных стратегий молодежи Белгородской области, проведенного в 2025 году. В исследовании приняли участие 1269 студентов вузов региона, которые были распределены по профессиональным направлениям (юридическое, инженерное, естественно-научное, медицинское, педагогическое, социально-гуманитарное, экономико-управленческое). Выборка квотировалась по представленности курсов и районов проживания респондентов. В качестве ключевых вопросов для анализа использовался типологический вопрос распределения респондентов по отношению к миграционной позиции (миграционные установки), вопрос, относительно миграционных решений в рамках реализации жизненных стратегий студенческой молодежи и вопрос о факторах принятия миграционных решений.

Для целей статьи были отобраны группы студенческой молодежи, распределенные по следующим профессиональным группам: медицинское, педагогическое и инженерное направление. Группа медицинского направления была сформировано на основе массива, представленного студентами Белгородского государственного национального исследовательского университета, группа инженерного направления в равной степени включала студентов вышеуказанного вуза и Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова. Характеристики анализируемой выборки представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки для анализа миграционных стратегий молодежи
разных профессиональных групп, %

Table 1

Sample characteristics for the analysis of migration strategies of young people from different
professional groups, %

Описание выборки / Description of the sample	N	Пол, % / Gender		Возраст, % / Age			Тип поселения, % / Type of settlement	
		М. / M.	Ж. / F.	16-17	18-21	22-25	Город / city	Село / village
Студенты инженерных направлений / Students of engineering directions	200	64,5	28,3	18,4	67,1	14,5	69,7	30,3
Студенты медицинских направлений / Students of medical directions	200	35,5	71,7	16,5	60,0	13,5	69,5	30,5
Студенты педагогических направлений / Students of pedagogical fields	200	17,7	82,3	11,2	80,0	8,8	61,6	38,4

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализируя миграционные стратегии профессиональных групп молодежи, мы остановили свой выбор на трех ключевых группах профессий, которые являются не просто важными для любой территории, но и находятся на данный момент в зоне кадрового дефицита для многих регионов России. Среди них мы выделяем профессии относящиеся к инженерной, медицинской и педагогической сфере. Миграционные установки разделяют молодежь на четыре основных типа: оседлый тип (ориентированный на закрепление на территории своего проживания); мобильный тип (молодежь, стремящаяся к миграции в силу возраста и периода, благоприятствующего миграционным решениям); урбанистический тип (молодежь, стремящаяся сменить место проживание на городское (в случае проживания в сельской местности) или мегаполис, города-миллионники (в случае проживания в городах провинции)); эмигрирующий тип (молодежь, ориентированная на внешнюю миграцию). В исследовании миграционный тип молодежи был выделен отдельно (несмотря на то, что решения данного типа молодежи также связаны с центростремительно или внешней миграцией), так как в рамках качественных исследований 2023-2024 (фокус-группы и групповая дискуссия) было установлено, что такая молодежь часто не имеет конкретного миграционного адреса и даже целей, но желает попробовать себя в иной обстановке, в другом месте – имеет, по сути, стохастическое миграционное намерение (в отличии от молодежи, стремящийся из малых и средних городов в мегаполисы или целенаправленно желающих выехать из России).

Рассматривая миграционные установки студенческой молодежи региона для выделенных профессий, можно отметить некоторые особенности (Рисунок 1). Так, наибольшая оседлость в миграционных типах характерна для студентов медицинских направлений, а наименьшая – для студентов-инженеров. Такой перевес в выборах может быть обусловлен спецификой условий профессиональной деятельности: для студентов медицинских направлений в последние годы делается упор не просто на целевое обучение, но и на ответственность в выборе такого формата (достаточно весомые санкции в случае нарушения договора), также, однозначно можно говорить о различных формах стимулирования, как в рамках федеральной, так и региональной политики (помощь с

жильем, первичные выплаты, повышенная заработная плата и надбавки). Это влияет на представленность и мобильного типа, миграционные решения которого, как правило импульсивны – для студентов медицинского направления популярный среди молодежи тип занимает менее 50%.

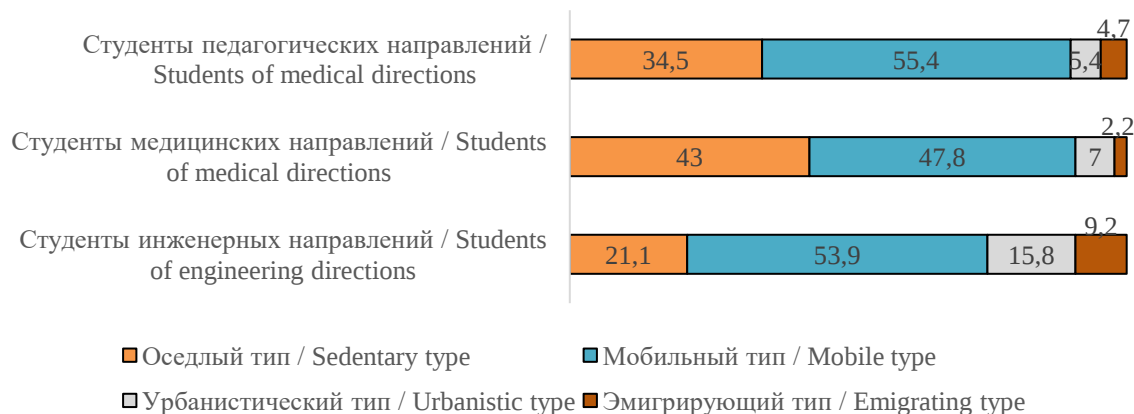

Рисунок 1. Миграционные установки студентов разных профессиональных групп, %
Figure 1. Migration settings of students of different professional groups, %

Для студентов инженерных направлений, большую часть из которых представляют студенты IT-профессий, напротив, развитие отрасли формирует феномен «выталкивания» специалистов в дистанционный формат, в различные формы фриланса и проектной занятости. Высокий уровень зарплат в этом экономическом секторе влияет на возможность миграции, где выбор не связан с рабочим местом, а скорее с качеством жизни – этим обусловлена и высокая представленность урбанистического и эмигрирующего типа для таких студентов (статистическая разница по отношению к студентам других направлений для этих миграционных типов – минимум в два раза).

Для студентов-педагогов можно отметить самый высокий показатель представленности мобильного типа. К сожалению, это связано в том числе с активной сменой профессий, которая наблюдается у молодых педагогов. Их, как правило, не закреплённость, не привязанность к месту с позиции профессионального контракта приводит к повышенным установкам на миграцию, в том числе и внешнюю (4,7%). Только треть будущих педагогов демонстрирует желание остаться в месте своего проживания, что безусловно определяет сегодняшние и будущие дефициты кадров в образовательной сфере.

Таким образом, если определять миграционный потенциал социальной группы как совокупность установок на миграционные решения, можно сказать, что молодые инженеры обладают наибольшим миграционным потенциалом (78,9%), что указывает на риск серьезной деформации рынка труда провинциальных регионов, а также способность таких территорий обеспечить решение важных и прогрессивных задач по информатизации социально-экономических сфер и регионального пространства. Минимальный миграционный потенциал студентов медиков (57%) дает возможность сделать вывод об определенной результативности предложенных и реализованных мер по удержанию и закреплению специалистов сферы здравоохранения в периферийных регионах. Несмотря на то, что студенты педагогических направлений занимают промежуточную позицию по данному показателю (65,4%), нельзя приравнять их условия миграционного выбора к двум полюсным группам – дистанционный потенциал их трудовой деятельности не настолько высок, как и не достаточны меры их поддержки в регионах для удержания на местах. Скорее, здесь можно говорить о более широком поле компетенций, что позволяет чувствовать им себя более свободно в профессиональном определении.

Миграционные установки показывают отношение студентов к миграции, но важным дополнением к изучению миграционных стратегий становится анализ жизненных планов, связанных с территориальной мобильностью молодежи. Ниже, в Таблице 2 приведены ответы профессиональных групп на вопросы о жизненном выборе, по каждому из выборов была возможность дать один из вариантов ответов, показывающих обязательность жизненного плана (обязательно, желательно, не обязательно).

Таблица 2

Миграционные планы молодежи разных профессиональных групп, %

Table 2

Migration plans of youth of different professional groups, %

Жизненные выборы / Life choices	Студенты инженерных направлений / Students of engineering directions	Студенты медицинских направлений / Students of medical directions	Студенты педагогических направлений / Students of pedagogical fields
Поменять место жительства в пределах своего региона / Change your place of residence within your region			
Обязательно / Definitely	22,4	17	19,8
Желательно / Preferably	39,5	28,7	30,4
Не обязательно / Not necessarily	38,2	54,3	49,8
Поменять место жительства в рамках территории РФ / Change your place of residence within the territory of the Russian Federation			
Обязательно / Definitely	22,4	13,9	14,2
Желательно / Preferably	32,9	23,5	29,1
Не обязательно / Not necessarily	44,7	62,6	56,7
Уехать из РФ в страны Востока / To leave from the Russian Federation to the countries of the East			
Обязательно / Definitely	11,8	9,6	7,1
Желательно / Preferably	21,1	9,1	14,4
Не обязательно / Not necessarily	67,1	81,3	78,4
Уехать из РФ в страны Запада / To leave from the Russian Federation to the countries of the West			
Обязательно / Definitely	14,5	7,8	6,7
Желательно / Preferably	22,4	10,9	14
Не обязательно / Not necessarily	63,2	81,3	79,3

Представленные эмпирические данные фиксируют дифференциацию миграционных предпочтений среди студентов инженерного, медицинского и педагогического профилей, что позволяет реконструировать специфические стратегии пространственной мобильности в зависимости от социально-профессиональной идентичности.

Наибольшую готовность к смене места жительства в пределах своего субъекта федерации демонстрируют студенты-инженеры: суммарный показатель «обязательно» и «желательно» составляет 61,9%, что существенно превышает аналогичные значения у медиков (45,7%) и педагогов (50,2%). Обращает на себя внимание высокая доля неопределенности у медицинского и педагогического корпуса (54,3% и 49,8% соответственно), что может интерпретироваться как слабая территориальная привязанность к месту проживания при отсутствии отчетливых внутривнутрирегиональных альтернатив.

Межгрупповой разрыв сохраняется и в выборах значимости межрегиональной миграции: инженеры вновь лидируют по суммарной готовности (55,3%), тогда как у медиков этот показатель падает до 37,4%, у педагогов до 43,3% (статистика планирования миграционных решений для студентов инженеров подтверждает сделанные нами ранее выводы о высоком миграционном потенциале данной профессиональной группы). При этом доля категорического отказа («не обязательно») у медиков достигает 62,6% (максимального значения по всей выборке), что свидетельствует о выраженном локальном консерватизме либо о восприятии межрегионального перемещения как чрезмерного транзакционного барьера.

Рассматривая миграционный выбор в пользу стран Востока все три профессиональные группы студентов демонстрируют преимущественно негативное отношение к нему: доля «не обязательно» колеблется от 67,1% (инженеры) до 81,3% (медики). Однако среди инженеров фиксируется относительный максимум безусловной готовности (11,8%) и желательности (21,1%), что в сумме (32,9%) почти втрое превышает аналогичный показатель у медиков (18,7%). Это указывает на восприятие восточного вектора как потенциальной ниши для инженерно-технической занятости, тогда как медицинские и педагогические профессии остаются жестко привязаны к институциональным рамкам национальных систем лицензирования и языковым компетенциям. Такой вариант миграции может рассматриваться молодыми инженерами и специалистами IT, в том числе, как вариант дистанционной занятости, и, одновременно, можно говорить о более простой возможности нострификации полученного в России образования для этой профессиональной группы. Для будущих медиков и нострификация диплома и признание в профессии может доходить до 8 лет (например, в Южной Корее), что для многих является неприемлемым вариантом. Для педагогов, на наш взгляд, большую роль в формировании такой цели является анализ комплиментарности образовательных систем и концепций, серьезных ограничениях в возможности применить полученные знания в иной культурной системе.

Для эмиграции в страны Запада картина повторяет «восточный тренд» с усилением статистической дифференциации: инженеры демонстрируют 36,9% суммарной готовности, педагоги 20,7%, медики 18,7%. При этом у медиков и педагогов доля безусловного намерения не превышает 8%, что подтверждает гипотезу о профессиях с высокими входными барьерами за рубежом. Инженерный профиль, напротив, формирует более гибкую стратегию, ориентированную одновременно на Запад и Восток, что может быть связано с универсальностью технических компетенций и их меньшей институциональной зависимостью.

Таким образом, можно сказать, что инженерная молодежь является эпицентром наиболее выраженной миграционной активности на всех уровнях, включая международный; медицинская группа студентов скорее наиболее статична, с пиком отказов от любых перемещений; педагогическая занимает промежуточное положение, тяготея к медицинской модели. Это позволяет предположить, что миграционный потенциал формируется не столько

под влиянием общих социально-экономических факторов, сколько опосредован структурой профессионального поля: чем выше степень институциональной стандартизации профессии (медицина, педагогика), тем ниже пространственная мобильность. Инженерный профиль, характеризующийся большей рыночной гибкостью и транснациональной востребованностью, продуцирует поливекторные миграционные траектории, что требует учета при разработке региональной кадровой политики и программ закрепления молодых специалистов. Полученные данные также ставят вопрос о необходимости изучения субъективных восприятий институциональных барьеров (нострификация, лицензирование, языковая сертификация) как ключевых модераторов миграционных решений в регулируемых профессиях.

Безусловно, период получения образования и профессионализации является благоприятным для устойчивой или возвратной миграции молодежи. В случае возвратной миграции такая стратегия считается даже положительной для региона – обмен производственным опытом, воспроизводство уникальных компетенций, расширение социального капитала и реализация целей, амбиций и возможностей – все это положительные эффекты для усиления человеческого регионального капитала в лице вернувшихся молодых специалистов. Но, как правило, такие варианты миграционных стратегий не всегда близки студенческой молодежи. Группы молодежи, чьи установки формировали типы, несущие миграционный потенциал, были перенаправлены к вопросу о возможности реализации возвратных миграционных стратегий (основанных на образовательной или трудовой мобильности) (Рисунок 2). Образовательная мобильность, как вариант возвратной миграционной стратегии, не имеет высоких выборов и для всех профессиональных групп только немного превышает 5% (для студентов педагогических направлений такой вариант представлен минимально) – причина здесь кроется в желании и возможности продолжить обучение в другом регионе – такие варианты не привлекательны для студентов. А вот вариант возвратной миграционной стратегии на основе трудовой мобильности достаточно актуален почти для трети опрошенных молодых педагогов и инженеров, но менее выбираем для студентов медиков (по озвученным ранее причинам территориальной привязки через меры федеральной и региональной политики).

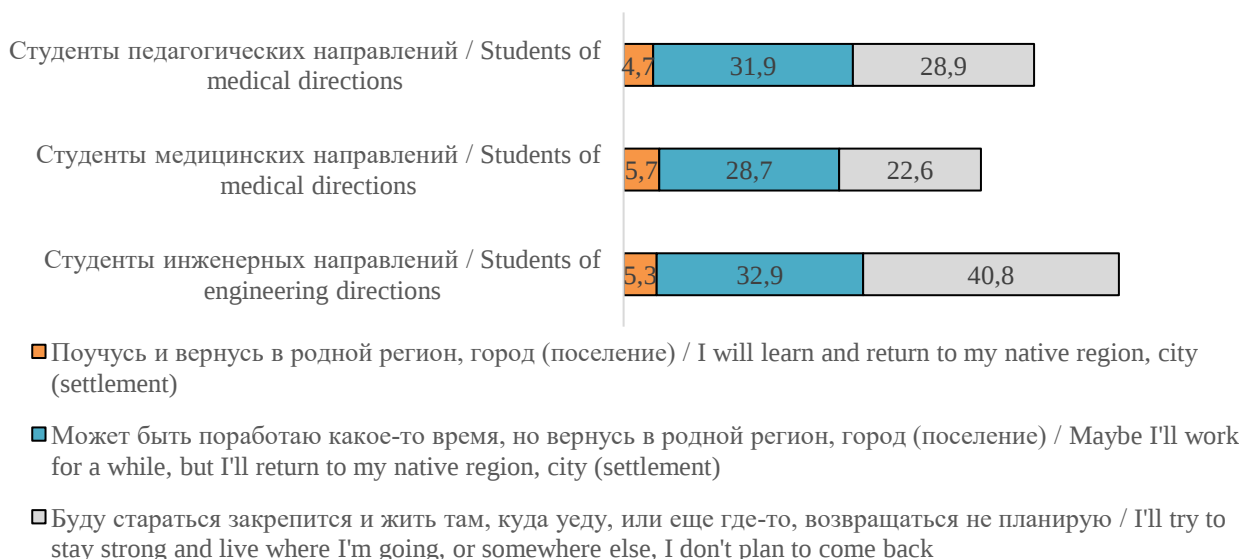

Рисунок 2. Соотношение возвратных и невозвратных миграционных стратегий студентов разных профессиональных групп (от числа опрошенных), %

Figure 2. The ratio of return and non-return migration strategies of students of different professional groups (from the number of respondents), %

Отказ от возвратной миграции в пользу смены места жительства на постоянной основе категорично более всего представлен для инженерной профессиональной группы – 40,8% современной профессиональной элиты планирует навсегда покинуть территорию своего рождения. Меньший показатель здесь получен для студентов медиков. Такой выбор еще раз подчеркивает риски возникновения дефицитов и развития информационной сферы для периферии и возможность решения проблем здравоохранения за счет собственного воспроизводства кадров.

Вопреки ожиданиям структура выборов факторов миграции не имеет различий для студентов разных направлений подготовки и статистические значения разных факторов колеблются в пределах ошибки выборки, сохраняя факторные ранги. Уже несколько лет первые выборы студенческой молодежи сконцентрированы в зоне факторов трудовых стратегий – так, фактором первого выбора становится заработок, вторым фактором закономерно становится наличие работы (Таблица 3).

Таблица 3

Ответы студентов на вопрос: «Что могло бы Вас заставить сменить место жительства?», %

Table 3

Student responses to the question: “What could make you change your place of residence?”, %

Факторы миграционного выбора / Factors of migration choice	Повлияет сильно / Will influence greatly	Повлияет в меньшей степени / Will influence to a lesser extent	Не повлияет / Will not influence
Отсутствие работы (предложение работы) / Lack of employment (job offer)	62,3	22,4	15,3
Отсутствие карьерного роста (предложение более высокой должности) / Lack of career advancement (offer of a higher position)	51,7	30,8	17,4
Низкий заработок (предложение о более высокой оплате) / Low income (offer of higher pay)	63,4	21,9	14,8
Отсутствие личного счастья (поиск личного счастья) / Lack of personal happiness (search for personal happiness)	45,0	33,1	21,9
Отсутствие жилья (возможность получить жилплощадь) / Lack of housing (opportunity to find housing)	55,6	27,1	17,3
Женитьба/замужество / Marriage	40,0	34,4	25,6
Рождение ребенка / Birth of a child	39,2	33,4	27,4
Разлука с родственниками (воссоединение с родственниками) / Separation from relatives (reunification with relatives)	38,0	38,3	23,8
Проблемы (болезнь) родственников / Problems (illness) of relatives	53,6	28,5	18,0
Личные конфликтные ситуации / Personal conflicts	31,0	41,2	27,7
Экологическая обстановка / Environmental situation	38,1	37,4	24,5
Климат / Climate	35,1	39,4	25,5

Небезопасная обстановка на территории проживания / Unsafe environment in the area of residence	54,1	27,7	18,2
Провинциальность места проживания / Provinciality of the area of residence	30,0	40,7	29,3
Отсутствие возможностей / Lack of opportunities	54,5	27,6	17,9
Отсутствие самореализации / Lack of self-realization	51,5	30,1	18,3
Бедная инфраструктура (магазины, различные учреждения, места отдыха и развлечений) / Poor infrastructure (shops, various institutions, recreational and entertainment venues)	46,5	32,8	20,7
Не комфортность территории (привлекательность, красота, внешний облик) / Uncomfortable surroundings (attractiveness, beauty, appearance)	43,8	34,7	21,6

Распределение ответов в данном вопросе служит эмпирической основой для реконструкции доминирующих миграционных стратегий, в которых переплетаются экономические, социальные и экзистенциальные компоненты.

Наибольшее стимулирующее воздействие оказывают факторы, связанные с материальной мотивацией: предложение о более высокой оплате труда (63,4%), отсутствие работы и предложение рабочего места (62,3%), отсутствие жилья с возможностью его получения (55,6%). Эти три показателя формируют верхний кластер, подтверждая классическую гипотезу о первичности экономического рационализма в пространственных перемещениях.

Институциональные и статусные факторы также достаточно весомо представлены в оценках студентов. Такие факторы, как «отсутствие карьерного роста» (51,7%) и «отсутствие возможностей самореализации» (51,5%) образуют второй уровень значимости, практически совпадая по силе воздействия с первой группой.

Факторы безопасности и комфорта в современных условиях и ситуации приграничного региона становятся очень важными для молодых специалистов и выделяются более чем 50% опрошенной молодежи.

Суммируя полученные профили выбора, можно выделить три направления принятия миграционных решений молодежью:

- инструментальная стратегия, ориентированная на экономическую эффективность;
- социально-статусная стратегия, ориентированная на возможность социальной мобильности;
- компенсаторная стратегия, позволяющая избежать рисков территории, связанных, прежде всего, с безопасностью.

При этом первые две стратегии доминируют с большим отрывом, что позволяет интерпретировать миграционное поведение студенчества как глубоко рациональное, но не сводимое к узкому экономическому детерминизму: статусные и экзистенциальные запросы играют роль модераторов, усиливая или ослабляя базовый экономический импульс.

Заключение (Conclusion). Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд значимых выводов относительно миграционных стратегий молодых профессионалов в разрезе их профессиональной специализации, а также экстраполировать полученные закономерности на макрорегиональный контекст Северной Евразии и одновременно установить ограничения для такой экстраполяции. Ограничивающими условиями выступает геополитический статус региона исследования – Белгородская область на данный момент

является прифронтовым регионом с повышенным риском влияния военных действий на качество жизни и ее сохранность для населения. Миграционные процессы региональной молодежи обусловлены в первую очередь вопросами безопасности, что может быть не так очевидно для регионов России. С 2022 года миграционные процессы в данной социальной группе определенным образом изменили качественный состав всего массива, исключив из него определенную, наиболее мобильную и активную часть. Несмотря на процессы возвратной миграции на данный момент диспозиционные характеристики молодежи территории могут не соответствовать «средним» федеральным значениям.

Миграционные установки студенческой молодежи неоднородны и тесно связаны с их профессиональным выбором. Эмпирические данные свидетельствуют о формировании устойчивых паттернов: студенты инженерных и IT-специальностей отличаются наибольшей пространственной мобильностью. Они готовы к переезду как в другие регионы, так и за рубеж, причем их географические предпочтения достаточно широки и включают страны как Запада, так и Востока. Студенты-медики, напротив, демонстрируют высокую степень локальной закреплённости и неохотно рассматривают варианты переезда. Низкая миграционная активность в этой группе обусловлена двумя факторами. Во-первых, это объективные институциональные барьеры, такие как нострификация дипломов и длительное подтверждение врачебной квалификации за рубежом. Во-вторых, немалую роль играет целенаправленная региональная политика по закреплению молодых специалистов в сфере здравоохранения. Студенты педагогических направлений подготовки занимают здесь среднее положение, их миграционные установки отличаются повышенной импульсивностью и нестабильностью, что коррелирует с высокими показателями профессионального оттока и смены профессии в первые годы трудоустройства.

Миграционные решения студентов принимаются на основе многоуровневой системы факторов, где экономические соображения играют определяющую роль. Они выступают основным стимулом к переезду. Карьерные возможности, перспективы самореализации, а также уровень безопасности и инфраструктурная развитость регионов занимают подчиненное положение, корректируя влияние экономических причин. Факторы субъективного благополучия – климат, природные условия, комфорт городской среды – оказываются на периферии миграционных предпочтений. Подобная структура мотивации отражает рациональный характер миграционного поведения молодежи.

Экстраполяция региональных данных на пространство Северной Евразии показывает, что миграционное поведение молодежи объективно усиливает центростремительные процессы и пространственную поляризацию. Наиболее мобильная часть студентов – будущие инженеры и IT-специалисты – будет концентрироваться в нескольких крупнейших городах и научных центрах, оставляя периферию без необходимых технических кадров. Медицинская и педагогическая молодежь, напротив, склонна закрепляться на местах и обеспечивать воспроизводство человеческого капитала в регионах. Но из-за ограниченных объемов целевого набора этих специалистов недостаточно, чтобы восполнить убыль кадров в социальной сфере на обширных территориях вне агломераций.

Явление «цифрового кочевничества», характерное прежде всего для инженерно-IT-специалистов, существенно меняет саму логику миграционных процессов. Пространственная мобильность перестает быть напрямую связана с местом работы, уступая место гибридным моделям поведения, при которых выбор места жительства определяется качеством жизни, а не наличием вакансий. Это ставит перед региональной властью новую задачу: традиционных мер по созданию рабочих мест уже недостаточно. На первый план выходит необходимость комплексного развития городской среды, цифровой инфраструктуры и доступности сервисов.

Анализ возвратных миграционных стратегий показывает, что они мало востребованы среди студентов: лишь около трети планируют вернуться в родной регион после получения образования или первого опыта работы. Среди студентов инженерных специальностей этот показатель еще ниже. Это означает, что образовательная и трудовая мобильность молодежи всё чаще становится безвозвратной. Подобная тенденция ставит под сомнение эффективность региональных вложений в подготовку кадров, если они не сопровождаются системой долгосрочных обязательств и жилищно-бытовых гарантий, привязывающих выпускников к территории.

Совокупность полученных данных позволяет сделать вывод: миграционные стратегии студенческой молодежи, это не просто индивидуальные жизненные выборы, а один из ключевых факторов трансформации социально-экономического пространства Северной Евразии. Регионы, которые не смогли объединить экономические стимулы, институциональную поддержку и комфортную среду в последовательную политику удержания кадров, сталкиваются с постепенным сокращением освоенного пространства и дефицитом специалистов в базовых отраслях. Напротив, территории, предлагающие молодым специалистам достойный доход, понятные карьерные перспективы, жилищные программы и развитую инфраструктуру, получают возможность стать центрами притяжения в условиях растущей межрегиональной конкуренции за человеческий капитал. Дальнейшие исследования целесообразно направить на проверку этих выводов в межстрановом сравнении, а также на более глубокое изучение того, как субъективное восприятие институциональных барьеров влияет на миграционные решения в регулируемых профессиях.

Список литературы

Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б. Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 27-37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37. EDN: NSVYII.

Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа). Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2018. № 44. С. 38-57. DOI: 10.17223/19988648/44/2. EDN: YUNJOP.

Бадмаева Н. В. Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 135-145. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145. EDN: JHQKOH.

Балабанова Е. С., Лазенкова А. П. Внешняя миграция российских IT-специалистов: мотивы, практики, последствия // Мир России. Социология. Этнология. 2026. Т. 35, № 2. С. 68-94. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-68-94. EDN: JPNAEQ.

Дождиков А. В. Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4, № 3. С. 119-137. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.8. EDN: ZPVQJZ.

Есикова В. О., Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф. Региональные особенности миграции молодежи в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. Т. 29, Ч. 2. С. 88-105. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-88-105. EDN: SDCEAW.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4 (52). С. 162-180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7. EDN: OTYELE.

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центристская миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 335-354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788. EDN: UNPAVV.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 207-219. DOI: 10.25178/nit.2023.3.13. EDN: OCKNNK.

Рязанцев С. В., Рязанцев Н. С. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 2. С. 116-126. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126. EDN: HRMPVT.

Серкина Я. И., Мягкая А. С. Трудовая миграция молодежи как угроза региональной безопасности (на примере Белгородской области) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. №. 13-2. С. 727-729. EDN: YPKIGD.

Ульямсаева А. О. Современные тенденции межрегиональной образовательной миграции российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 33-37. DOI: 10.24158/tipor.2020.12.5. EDN: LCKRGA.

Федорова А. В., Хорольцева Е. Б. Межрегиональная миграция молодежи в условиях реализации стратегии развития Саратовской области // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 1. С. 73-82. DOI: 10.22394/1682-2358-2020-1-73-82. EDN: LRHOFQ.

Шаповалова И. С., Бовкунова А. В., Шаповалов А. А. Проблема регионального воспроизводства медицинских кадров // В книге: Национальные социально-экономические системы в условиях перехода к новому технологическому укладу. Белгород, 2021. С. 263-276. EDN: LCQRWS.

Шаповалова И. С., Хашаева С. В., Чернышева Е. А., Благорожева Ж. О., Валиева И. Н. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774-783. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783. EDN: BXRXBO.

Шаповалова И. С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий // Регионология. 2026. Т. 34, № 1 (134). С. 181-209. DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209. EDN: FXLLRF.

Шаповалова И. С., Заводяни И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.

Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводяни И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116-136. DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8. EDN: AXZYNF.

References

Airapetyan, E. M., Pokrovskaya, N. N., Chernykh, A. B. (2020), "Sociological Analysis of Labor and Intellectual Migration of Young People in the Context of the Knowledge Economy", *Sotsiologiya i pravo*, (2), 27-37, DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37, EDN: NSVYII. (In Russian)

Ataeva, A. G., Ulyaeva, A. G. (2018), "Interregional Youth Migration as a Threat of Loss of a Territory's Human Capital (Based on Materials from the Republic of Bashkortostan and Regions of the Volga Federal District)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, (44), 38-57, DOI: 10.17223/19988648/44/2, EDN: YUNJOP. (In Russian)

Badmaeva, N. V. (2021), "Educational Migration of Rural Youth in the Republic of Kalmykia, *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, (1), 135-145, DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145, EDN: JHKKOX. (In Russian)

Balabanova, E. S., Lazenkova, A. P. (2026), "External Migration of Russian IT Specialists: Motives, Practices, Consequences", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 35 (2), 68-94, DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-68-94, EDN: JPNAEQ. (In Russian)

Dozhdikov, A. V. (2024), "Interregional migration of youth in the Russian Federation, *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 4 (3), 119-137, DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.8, EDN: ZPVQJZ. (In Russian)

Yesikova, V. O., Soloviev I. A., Zolnikova Yu. F. (2023), "Regional features of youth migration in Russia", *InterKarto. InterGIS*, 29 (2), 88-105, DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-88-105, EDN: SDCEAW. (In Russian)

Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2021), "Interregional Migration of Young People in Russia and Building Life Strategies", *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii*, (4), 162-180, DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7, EDN: OTYELE. (In Russian)

Odintsov, A. V., Shipitsyn, A. I., Marchenko, A. Yu. (2020), "Centripetal Migration of Young People from the Russian Provinces: Causes and Trends (using the Volgograd Region as an Example)", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (3), 335-354, DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788, EDN: UNPAVV. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2023), "Challenges of Educational Migration of Young People in Tuva: A Demographic Aspect", *Novye issledovaniya Tuvy*, (3), 207-219, DOI: 10.25178/nit.2023.3.13, EDN: OCKNNK. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Ryazantsev, N. S. (2024), "Migration of "Digital Nomads": Global Trends and Countries' Positions", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 68 (2), 116-126, DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126, EDN: HRMPVT. (In Russian)

Serkina, Ya. I., Myagkaya, A. S. (2018), "Youth Labor Migration as a Threat to Regional Security (Based on the Belgorod Region)", *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, (13-2), 727-729, EDN: YPKIGD. (In Russian)

Ulmyasbaeva, A. O. (2020), "Modern Trends in Interregional Educational Migration of Russian Youth", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (12), 33-37, DOI: 10.24158/tipor.2020.12.5, EDN: LCKRGA. (In Russian)

Fedorova, A. V., Khoroltseva E. B. (2020), "Interregional Youth Migration in the Context of the Saratov Region Development Strategy Implementation", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 20 (1), 73-82, DOI: 10.22394/1682-2358-2020-1-73-82, EDN: LRHOFQ. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Bovkunova, A. V., Shapovalov, A. A. (2021), "The Problem of Regional Reproduction of Medical Personnel", In the book: *Natsionalnye sotsialno-ekonomicheskie sistemy v usloviyakh perekhoda k novomu tekhnologicheskomu ukladu*. Belgorod, 263-276, EDN: LCQRWS. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Khashaeva, S. V., Chernysheva, E. A., Blagorozheva, Zh. O., Valieva, I. N. (2023), "Labor Strategies of Graduates of Medical Educational Institutions: Predicted Risks of the Medical Industry, Problems of Social Hygiene", *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 31 (S1), 774-783, DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783, EDN: BXRXBO. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2026), "Urban and Rural Youth: Analysis of Life Strategies", *Regionologiya*, 34 (1), 181-209, DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209, EDN: FXLLRF. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024), "Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth", *Regionologiya*, 32 (4), 768-792, DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792, EDN: ZBBIWU. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Chernysheva, E. A., Zavodyan, I. S. (2026), "Life Strategies of Young Russian Women (Regional Aspect)", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 116-136, DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8, EDN: AXZYNF. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 08 сентября 2026 г. Поступила после доработки 16 сентября 2026 г. Принята к печати 20 сентября 2026 г.

Received 08 September 2026. Revised 16 September 2026. Accepted 20 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Шаповалов Данил Александрович, аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Danil A. Shapovalov, Post-graduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.